

ком случае "ореолы" распространения восточных религий и христианства совпадают.

Система новой духовной ориентации продемонстрировала явную враждебность только к восточным религиям, о чем свидетельствуют факты разрушения митреумов и исчезновение к началу IV в. памятников ориентализации населения провинции.¹⁶ Другие языческие религии и христианство сосуществовали на одних и тех же территориях вплоть до конца римского господства в Британии.¹⁷

Религиозный мир Римской Британии очень сложен и противоречив. Он представлен пестрой смесью кельтских, британских, римских, восточных богов и христианством во всех гражданских районах Британии и вдоль вала Адриана. Боги общин уживаются с богами индивидуума, официальные культуры существуют параллельно с мистериальными, традиционные верования соединяются с поисками одного всемогущего бога - защитника. Один человек мог почитать богов различных мифологических систем. В любом храме "уживались" местные боги и туземные, каждый город был олицетворением политеизма.

Западные и северные районы провинции почти не представлены памятниками материальной и духовной культуры римского времени: сельская местность бригантов, территории обитания думнониев, деметов, силуров оказались почти незатронутыми римским влиянием. Они продолжали оставаться носителями традиционного кельтского образа жизни, мировосприятия и культуры аборигенов, не нашедшей выражения в тех формах, которые единственно и могут о ней поведать, - в изображениях и надписях.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Green M. *The Religions of civilian Roman Britain*. Oxford, 1976.
2. Toynbee J.M.C. *Art in Britain under the Romans*. Oxford, 1964.
3. Ross A. *Pagan celtic Britain*. London, 1984.
4. Henig M. *Religion in Roman Britain*. London, 1984.
5. Collingwood R.G., Wright R.P. *The Roman Inscriptions of Britain*. Oxford, 1965. /Далее RIB/.
6. Green M. Op. cit. P.166 Laing L. *Celtic Britain*. London & Henley, 1979. P.82
7. Ross A. Op.cit. P. 362.
8. Green M. Op. cit. P.6.
9. Op.cit. P.207,224, ect.; Филип Я. Кельтская цивилизация. Прага, 1961. С.171
10. Creen M. Op. cit. P.166,178,226; Henig M. Op.cit. P.23.
11. Green M. Op. cit P.202,210,228-9; Филип Я. Указ.раб. С.153.
12. Liversidge J. *Britain in the Roman Empire*. London, 1968. P.428.
13. Культура Галлии и романизация //Культура древнего Рима / Под ред. Е.С.Голубцовой. М., 1985. Т.2.С.290,293.

14. RIB. Op.cit.P.540.

15. Мудрость древних и тайные общества. Смоленск, 1995. С.13
16. Thomas Ch. *Cristianity in Roman Britain to AD 500*. Berkley & Los Angeles,1981. P.135.
17. Lewis M.J. *Templess in Roman Britain*. Cambridge, 1966. P.141.

Е.Н. Селищев

ЭТНО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РОССИЙСКОЙ НАЦИОНАЛЬНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ АВТОНОМИИ

Селищев Евгений Николаевич, старший преподаватель кафедры экономической географии ЯГПУ им.К.Д.Ушинского

Изучение этно-географических аспектов национально-территориального устройства нашей страны при преподавании географии и истории в условиях школы всегда представляло определенные трудности как для педагогов, так и для учащихся. Ситуацию осложняют постоянные противоречия между республиками и областями, краями Российской Федерации. Указанные причины вызывают интерес к проблемам национально-территориального устройства государства. Ниже мы подробнее остановимся на названных проблемах и осуществим анализ форм национально-территориальных автономий, распространенных в России.

Существующей сегодня в России системе национально-территориальной автономии не исполнилось еще и сотни лет. Исторически после объединения русских земель путем покорения Пскова, Новгорода, Твери, насильтственного присоединения Казанского ханства и других средневековых государств к Москве деспотические формы правления многонациональным государством не допускали практически никаких форм участия "инородцев" в руководстве и управлении исконно принадлежащими им землями. Это способствовало ущемлению прав нерусских этносов. Возможно, именно с тех времен берет начало взаимная, исторически обусловленная современная натянутость отношений, которая, к примеру, в Татарстане выражается в скорбной минуте молчания в день насильтственного присоединения Казани к Москве.

Поэтому неудивительно формирование административного устройства России на основе губернско-уездной системы, которая в

основном сложилась к концу XVIII века. Она игнорировала расселение народов по территории страны. Границы уездов и губерний проводились произвольно, без учета ареалов размещения коренных этносов. В 1776 году по инициативе Екатерины II было издано "Общее учреждение о губерниях", где законодательством определялось следующее назначение утверждаемой им системы: "Дабы губерния порядочно могла быть управляема, полагается в оной от трех до четырех сот тысяч душ", в уезде "считается от двадцати до тридцати тысяч душ"⁵. Губернско-уездная система с небольшими изменениями "оных" границ просуществовала вплоть до 1929 года.

Однако уже в прошлом веке часть российской интеллигенции отчетливо осознавала необходимость общения с "инородцами" не с позиций силы или угнетения их прав, а цивилизованно, что предполагало возможность и необходимость уважения их национального достоинства. Так, видный историк и этнограф второй половины XIX века В.И.Ламанский в статье, опубликованной в 1894 г., писал: "Так не несчастье и не бедствие, а великое благо и богатство наше заключается в том изобилии разных инородцев, рассеянных по России и внутри и на окраинах."⁴

В заявлениях и программных документах лидеров партии большевиков уделялось большое внимание "национальному вопросу". Их предложения, критику различных позиций можно найти в более чем десятке работ, написанных в разное время В.И.Лениным, С.Г.Шаумяном, И.В.Сталиным и другими до 1917 года и в период становления Советского государства. Политика большевиков была связана с отказом от прошлого опыта управления, в том числе и в сфере национальной политики. В ходе дискуссий было принято решение о создании федеративного Союза Советских Социалистических Республик. Принцип федерализма осуществлялся на национально-территориальной основе путем предоставления поначалу достаточно широких полномочий суверенным субъектам федерации. Национальные территории получили автономию в виде следующих форм: автономная республика, автономная область, автономный (национальный) округ, национальный район. К сожалению, в дальнейшем (с середины 30-х гг) последняя форма была упразднена, а права других оказались значительно урезанными.

Вследствие этого некоторые авторы стали говорить о фактической унитарности официально федеративного Советского Союза.⁹ Последнее не совсем верно. Автономии существовали, хотя и с ограниченным набором полномочий. Рассматривая советский период развития национально-территориальных автономий, нельзя вместе с "водой выплескивать и ребенка". Другими словами, в советский период наряду с проблемами и недостатками в функционировании автономий наблюдались положительные явления. Например,

была расширена область применения языков коренных народов, разработаны алфавиты для более чем 50 бесписьменных до этого языков.¹ Стал очевидным факт роста этнического самосознания автохтонных народов.

В современном обществе четко сложились два противоположных подхода к проблеме национально-территориального устройства страны. В.В.Пустогаров считает, что "курс на федерализм по национальному признаку привел к тому, что из федеративных отношений выпал русский народ..." Следовательно, полагает цитируемый автор, наличие национально-территориальных автономий неблагоприятно воздействует на общественную жизнь страны, "раскачивает лодку" российской государственности.⁸

На самом деле из 89 субъектов федерации русский народ обладает властью в 57, где в аппарате управления сосредоточены представители русского этноса (это административные области, края и города федерального подчинения), к тому же главный город федерации был и остается русской столицей.

Неоригинален в своей позиции В.Кистанов, утверждающий следующее: "Национально-территориальный принцип административно-территориального устройства (заложенный в советское районирование 70 лет назад) изжил себя. Нынешний опыт, мировая практика показывает, что наиболее устойчивы государства с ненационально-территориальным делением"² В приведенном контексте ссылки автора на зарубежный опыт неубедительны. Советский федерализм формировался путем "указаний сверху", по инициативе партии, находившейся у власти. Поэтому права, предоставленные субъектам федерации, - это те полномочия, которые смог, пожелал или захотел предоставить Центр национальным окраинам. Естественными при этом являются противоречия, возникшие между Центром и субъектами федерации. Федеральной власти кажется, что прав предоставляет чрезмерно много, а на местах их количество и качественный уровень всегда представляются недостаточными.

Иная ситуация наблюдалась при провозглашении федерации в США, Канаде, Австралии, ФРГ и ряде других стран. Там формирование федерации происходило "снизу", другими словами, в компетенции федеральной власти оказывались те права, которые сочли возможным предоставить ей суверенные штаты, провинции или земли. Они шли к пониманию федерации не одно десятилетие.⁶ Исторически федерализм там успел пустить глубокие корни, и особых проблем с его достаточным эффективным функционированием не возникает.

Несколько слов об устойчивости государств с ненациональным территориальным делением. Заманчиво согласиться с оппонентом в лице В.Кистанова, если бы не раздира-

емые этническими противоречиями унитарные Индонезия, где остро стоят проблемы Восточного Тимора и Моллукских островов, Иран, Ирак, Турция с их проблемой курдов, Китай с неразрешенными этническими проблемами и другие. Аналогичные аргументы можно привести и для опровержения его первого утверждения. В случае "исчерпания" национального принципа административно-территориального устройства не наблюдалось бы массового стремления областей и автономных округов провозгласить себя республиками. Если исключить этнический принцип в национально-территориальном устройстве страны, то многие коренные этносы (особенно народы Севера) потеряют возможность дальнейшего развития. В случае потери территориальной автономии у них не будет юридических оснований для противостояния притязаниям сырьевых монополий и ведомств на их земли, ухудшатся условия для сохранения народной культуры и традиционных трудовых навыков коренного населения, да и с моральной точки зрения было бы неправильно лишать этнос "земли предков". Коренные народы Севера, как правило, проживают в сельской местности, занимаются охотой и скотоводством, требующими больших территорий.⁷ В случае отказа от принципа территориальной автономии и перехода к культурой малочисленные народы либо подвергнутся ассимиляции, либо физически перестанут существовать.

Поэтому, как считает автор настоящей работы, в современных условиях России необходимо придерживаться второй позиции: не только сохранить институт национально-территориальной автономии, но и пойти на предоставление такого права кореннымэтносам, проживающим на исконных землях, которые имеют численность представителей от нескольких сот человек и выше.

Надо учитывать то, что реализация этого права на практике не всегда возможна, поскольку непрерывно происходят изменения численности из-за процессов ассимиляции, расширения или сокращения ареала распространения этноса. Перечисленные факторы также влияют на возможность получения народом территориальной автономии и на ее формы.

При определении последней, достаточной для реализации коренным этносом своих прав, представляется необходимым учитывать следующие качественные и количественные критерии:

- историко-географические аспекты освоения пространства, предполагающие изучение исконных занятий, особенностей расселения и границ этносов (географических аспектов разнообразия условий развития);

- наличие у представителей этноса четкого этнического самосознания и этнонима (этнонимов), причем последний у "природных" этносов обычно связан с конкретной местностью, территорией проживания;

- площадь автономного субъекта федерации;
- абсолютную и относительную численность коренных жителей, проживающих в предела национально-территориального образования;
- демографическое поведение народа (динамику рождаемости, смертности, естественного прироста);
- среднюю плотность населения коренного этноса;
- свободное волеизъявление местного автономного населения, связанное с необходимости получения статуса автономии.

Конечно, этносам с малым количеством этнофоров (представителей этноса) нецелесообразно создавать свою республику. И будет достаточно иметь свой национальный район в пределах территории административного района, края, области или сельско администрации. Кстати, если сан-маринцы могут отличаться от итальянцев только особенностям культуры и имеют свою государственность, тогда почему субэтнические группы русски (поморы, казаки) лишены возможности автономии? Почему народы Монако, Лихтенштейна, Люксембурга, Палау, Науру, Маврикии, Барбадоса обладают государственностью, народы коми, башкиры, татары, буряты, удмурты, якуты не должны ее иметь? Тем более что исходя из Конституции Российской Федерации, республики соответствуют всем признакам государственности, а в принятых международным сообществом конвенции Монтевидео (1933 г.) записано: "Государство как субъект международного права должно обладать следующими чертами: а) постоянным населением; б) отдельной территорией; в) правительством; г) способностью вступать в сношения с другими государствами".¹⁰

Кризис российской государственности, сложность, многозначность и многомерности территориально-этнических проблем проявляется не только в усилении центробежных тенденций, имеющих место в крайнем варианте на Северном Кавказе, но и в недоработках противоречиях национально-этнической проблематики, со всей очевидностью получивши отражение в новой российской Конституции (1993 г.). Так, ст.5 п.1 Основного закона декларирует равенство субъектов Российской Федерации. В то же время не может удивлять фактическое опровержение в ст.5 п.1 сказанного в п.1 той же статьи. К примеру, утверждается, что "республика (государство) имеет свою Конституцию и законодательство", края, области, города Москва и Санкт-Петербург, автономная область, автономный округа только "свой устав и законодательство". Представляется очевидной неравнозначности по сути понятий "Конституция" и "устав". Далее в Конституции РФ (ст.68. п.2) находим строки подтверждающие право республик устанавливать на собственной территории госу-

рственные языки, но не сказано о таком же
аве в отношении автономной области и
автономного округа, тем самым еще раз
зачеркивается их неравноправное положение.

Следует отметить нечеткость ряда
формулировок в Конституции страны. По тексту в
империалистии Российской Федерации находятся
"международные отношения" федеративного
государства, а в совместном ведении феде-
ральной власти и ее субъектов - "международные
язы". Совершенно неясно (и в тексте об этом не
зубщается), как разграничить эти сходные
нятия.

Подведем итоги. В этнической сфере Рос-
сии сегодня происходят сложные и противоре-
чие процессы. Непростые национальные
проблемы необходимо решать, учитывая прин-
ципы территориальности, взаимного уважения
народов, учета сложившихся реалий, без чего
невозможно эффективное функционирование
российской Федерации.

Литература

1. Исаев М.И. Сто тридцать равноправных. М., 1970.
2. Кистанов В. Государственно-территориальное устройство России - на экономическую основу. Экономист. 1993. № 8.
3. Конституция Российской Федерации. М., 1995.
4. Ламанский В.И. К вопросу об этносах и го-
сударственности в России // Этнографичес-
кое обозрение. 1994, № 3.
5. Лужин В.А. Административно - территори-
альное устройство Советского государства. М., 1969.
6. Малаховский К. В. История Австралии. М., 1980.
7. Народы России. Энциклопедия. М., 1994.
8. Пустогаров В. Своеобразие российского фе-
дерализма //Международная жизнь. 1995. № 1.
9. Ромодан Б.Б. Введение в социальную геогра-
фию. Курс лекций. М., 1993.
10. Crawford I. The Creation of States in Interna-
tional Law. Oxford, 1979.